НОЧНЫЕ СВОДЫ

ВИКТОР МЕЙЕР

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ВАНЬКИ ТРУВА

Виктор Майер

Ванька Труба. Продолжение.

«Автор»
2026

Майер В.

Ванька Труба. Продолжение. / В. Майер — «Автор», 2026

Ванька Труба впервые за десять лет почувствовал себя не хищником в каменных джунглях, а крысой, запертой в трюме корабля, который вот-вот пойдет на дно. Он посмотрел на свои руки. Костюм, галстук, перстень — все это было прахом. Под дорогой тканью все еще жил тот самый Ванька, который в сорок восьмом смотрел на горящую нефтебазу и понимал: когда город горит, люди начинают бежать. Куйбышев снова занимался заревом. Только на этот раз гореть предстояло не дровам и нефти. Гореть предстояло ракетному топливу и человеческим судьбам

© Майер В., 2026
© Автор, 2026

Виктор Майер
Ванька Труба. Продолжение.

Десять лет — срок, за который выгнанный пес успевает либо сдохнуть под забором, либо стать вожаком собственной стаи. Ванька Труба не сдох. Куйбышев, август 1958 года. Город сошел с ума. Это был не тот Куйбышев 1948 года — город гнилых бараков, керосиновой вони и карточек на хлеб. Десять лет спустя город жрал досыта, но его все равно лихорадило. Сталинские времена остались в прошлом, но их бетонный скелет пророс новым, еще более амбициозным мясом. Война сменилась Холодной войной, и Куйбышев стал ее закрытым, засекреченным сердцем. Город, который десятилетиями ковал крылья для штурмовиков Ил-2, теперь ковал зубы для баллистических ракет Р-7. Завод 1 («Прогресс») работал в три смены, выпуская по «семерке» в неделю. В цехах, где раньше пахло авиационным лаком, теперь стоял запах жидкого кислорода и озона. А наверху, в обкомовских кабинетах с дубовыми панелями, царила тихая истерика. В город ехал Хрущев. Первый секретарь, «кукурузник», разоблачитель культа личности. Его ждали со дня на день. Город драили с мылом, фасады завешивали свежими лозунгами, а на Безымянке спешно достраивали первые панельные хрущевки, чтобы показать Никите Сергеевичу, как счастливо живет советский рабочий. Ванька Труба. 1958 год. Ему тридцать четыре. Он больше не был «выгнанным псом». Он стал «серым кардиналом» этой новой, бетонной эпохи. Внешность: Жилистый, высушенный до состояния пружины. Никакой крестьянской силы — только городская, хищная выносливость. Лицо обветренное, с резкими складками у рта — след не голода, а постоянного внутреннего напряжения. Он коротко стрижен, в отличие от стиляг носит простые, но дорогие костюмы, сшитые на заказ у подпольных портных. На пальце — тяжелый золотой перстень-печатка, который он никогда не снимает. Статус: У него нет паспорта. Есть безупречно подделанное удостоверение старшего инженера по снабжению одного из номерных заводов. Ванька Труба теперь — Иван Андреевич Трубин. Он не грабит склады с мукой. Он есть склад. Его «банда» — это сеть из директоров баз, начальников транспортных колонн и вороватых кладовщиков. Он держит в кулаке теневой оборот цветного металла, дефицитных запчастей и спирта. В городе, который строит ракеты для полета в космос, Ванька контролирует земное: он решает, какой цех получит дефицитную медь, а какой будет стоять из-за отсутствия подшипников, пока не занесут конверт. Мышление: Он думает наперед. Десять лет жизни под прицелом (он знает, что Лешка его ищет, что дело «Труба» лежит в архиве под грифом «Хранить вечно») отточили его мозг до бритвенной остроты. Он не берет лишнего. Он берет ровно столько, чтобы система была ему должна, но не настолько, чтобы система решила его съесть. Он понимает язык планов и рапортов лучше, чем многие парторги. Глава 1. Запах озона и свежего бетона Августовский асфальт на площади Кирова плавился. Куйбышев готовился к параду. По проспекту имени Сталина (который уже негласно в народе звали проспектом Масленникова) ехали поливальные машины, смывая пыль перед визитом высокой комиссии. Иван Андреевич Трубин стоял у панорамного окна в кабинете директора торговой базы «Главснаб». На нем был безупречный серый шевиотовый костюм. Он смотрел не на поливальные машины. Он смотрел на железнодорожную ветку, уходящую в сторону Безымянки. — Иван Андреевич, — подобострастно кашлянул за его спиной директор базы, лысый, потеющий человечек. — Состав с Узбекской ССР пришел. Четырнадцать вагонов. Как вы и говорили. — Что в накладных? — не оборачиваясь, спросил Ванька. Голос у него стал ниже, в нем исчезла прежняя хрипотца, появилась властная, ледяная медь. — Ткань. Бязь. Ситец. — Вижу. А по факту? Директор базы переступил с ноги на ногу. — Верхний слой — ситец. Под ним — листовая медь. Двадцать тонн. Ванька медленно повернулся. Директор отшатнулся — в глазах Трубина не было злобы, там был холодный, математический расчет. — Медь на завод Козлова не везти, — тихо сказал Ванька. — Там сейчас

люди из Москвы, каждый грамм на счету. Если найдут неучтенку — директора в лагеря, а нас с тобой,Петя, просто концы в воду. — А куда? — прошептал директор. — Медь везешь в Сызрань. На «Пластик». Скажешь — пересортица, ошиблись станцией. Директору «Пластика» я уже звонил, он примет. С «Пластика» она уйдет налево, в частные артели. Понял? — Понял, Иван Андреевич. — И ситчик этот... — Ванька брезгливо поморщился. — Ситчик гони в деревню. Пусть бабам на платья. Чтобы жалоб не было. Если Хрущев поедет в колхозы, пусть видит, что ткани есть. В кармане Ваньки запищал зуммер. Первый в городе мобильный телефон — огромная, тяжелая радиостанция «Алтай», установленная в портфеле его водителя. Ванька достал трубку. — Да. — Шеф, — голос водителя в трубке трещал от помех. — На Московском шоссе. «Волга» черная. Номера обкомовские. Идут к вам. Ванька посмотрел на часы. — Быстро. Он подошел к сейфу, вмурованному в стену. Достал оттуда не деньги. Достал другую папку. Тонкую, картонную. Положил ее на стол перед побелевшим директором. — Если спросят, где Труба — ты меня не знаешь. Есть инженер Трубин. Понял? — Понял. — Если спросят про медь — вот акты списания. Завод «Тяжмаш» списал как брак. Печать настоящая, не боись. Ванька застегнул пиджак. Подошел к окну. Город гудел. Где-то там, за горизонтом, на Байконуре, готовили к старту новую «семерку». Где-то там, в Москве, Хрущев собирал чемоданы, чтобы приехать и посмотреть на это чудо. Ванька чувствовал этот гул. Страна оживала, и это было хорошо для его дел. Но в этом гуле, в запахе свежего бетона и ракетного топлива, ему чудился другой запах. Запах «Красной Москвы» и застарелой пороховой гари. Он знал, что Лешка где-то здесь. Брат не успокоился. Ванька понимал, что визиты Хрущева и новые ракеты — это лишь декорации. Главное представление начнется, когда в этот город, в этот парадный фасад, снова шагнет человек в драповом пальто, который умеет читать швы на старой одежде. Ванька поправил узел галстука. — Уходим через черный ход, — бросил он директору. — И молись, чтобы ситец доехал до деревни вовремя. Он шагнул в темноту коридора, ведущую к старым, дореволюционным дверям черного хода. Выгнанный пес вернулся в город. Но теперь он не прятался в подвалах Щепновки. Он стоял у руля, и этот город, строящий ракеты для звезд, даже не подозревал, что его теневой экономикой управляет человек, которого официально похоронили десять лет назад в горящем подвале. Глава 2. Пепел в «Красной Москве» Черный ход вывел Ваньку не на улицу, а в гулкую, пропахшую сыростью арку жилого дома постройки еще купца Константинова. Сверху, с карнизов, капала вода из прохудившихся труб — парадный фасад города красили, а внутренности гнили, как и десять лет назад. Ванька нырнул в подворотню, выходящую на тихую улицу Фрунзе. Здесь, в тени вековых тополей, стояла бежевая «Победа» с заляпанными грязью номерами. За рулем дремал Кеша — единственный человек в городе, которому Ванька доверял спину. — Куда? — Кеша открыл глаза, не поворачивая головы. — В порт. К «Волгарю», — Ванька бросил на заднее сиденье кожаный портфель. — И радио выключи. «Победа» мягко тронулась. Они ехали по городу, который сошел с ума от чистоты. На каждом углу женщины в серых халатах мыли бордюры щетками. Дворники, обычно пьяные до изумления, сегодня трезво и зло скалились на прохожих. Куйбышев стоял на вытяжке. Ванька смотрел в окно. Он видел то, чего не видел никто из обкомовских. Он видел стыки. Там, где новенький, свежеоштукатуренный фасад дома культуры смыкался со старой кирпичной кладкой, зияла щель в палец толщиной. Город был декорацией. — Шеф, — Кеша кивнул на зеркало заднего вида. — Хвост. Зеленая «Волга». Держится в трех машинах. Ванька не обернулся. Он смотрел на вывеску «Гастроном 1». — Не дергайся. Едь к речному. Если махну — гони к Силикатному спуску, там бросай машину. Он знал, кто это может быть. Милиция? Вряд ли. Милиция сейчас занята тем, что отлавливает пьяных и беспризорников, портящих вид города. Это могли быть комитетчики. Но ребята с Лубянки обычно работают чище. Зеленая «Волга» отстала на перекрестке, когда Кеша резко, на желтый, ушелвправо, под знак, к грузовым причалам. Порт жил своей жизнью. Здесь не красили фасады. Здесь пахло мазутом, гниющей рыбой и свободой. Ванька вышел у дебаркадера прогулочного теплохода

«Волгарь». — Жди здесь, — бросил он Кеше. — До темна. Он прошел мимо вахты, кивнув знакомому матросу. Спустился в трюм, который в навигацию служил рестораном, а сейчас был пуст и гулок. Сел за дальний столик. Ждать пришлось недолго. Скрипнула тяжелая дверь. В трюм, щурясь от полумрака, спустился человек. На нем не было драпового пальто. Был легкий чесучовый костюм, мятая белая рубашка с закатанными рукавами и стоптанные сандалии. Он выглядел как командировочный инженер, спустившийся пропустить стакан перед сном. Но Ванька узнал его по шагам. Лешка. Десять лет не прошли даром для брата. От былой военной жесткости не осталось и следа. Лицо осунулось, под глазами висели тяжелые мешки. Но взгляд... Взгляд остался прежним. Выжженная дотла пустота. Лешка подошел к столику. Не сел. — Встань, Иван, — сказал он тихо. Ванька медленно поднялся. Он был чуть выше брата, но сейчас, в этом тесном, низком трюме, казалось, что Лешка нависает над ним, как бетонная балка. — Здравствуй, Алексей, — ровно ответил Ванька. — Хороший костюм. Чесуча нынче в дефиците. — Я не за дефицитом пришел, — Лешка не мигал. — Я пришел сказать, что ты проиграл. Ванька усмехнулся. Сухо, одними губами. — У меня на столе сейчас акты списания двадцати тонн меди. У меня в кармане ключи от складов, которые кормят завод Козлова. Я, Леша, не играю. Я работаю. — Ты воруешь у страны, которая строит ракеты, — голос Лешки стал жестким. — Ты мразь, Иван. Ты живешь в говне и думаешь, что ты король. — Я живу в городе, который делает вид, что летит в космос, — отрезал Ванька. — А на деле боится, что у него штаны упадут, потому что подтяжек нет. Я просто забираю свое. Лешка сделал шаг вперед. От него пахло дешевым одеколоном, пылью и табаком. Но сквозь этот запах Ванька снова уловил его. Тонкий, неуместный, бьющий в ноздри аромат. «Красная Москва». Духи матери. Лешка не пользовался ими. Но флакон стоял у них в доме на улице Водников, когда отец еще был жив. Лешка хранил его. Десять лет он таскал этот запах с собой, как талисман. Как напоминание о том, что он должен закончить. — Хрущев приедет через три дня, — сказал Лешка. — Город вылижут до блеска. А потом приедут люди из Москвы. Из Комитета. Им плевать на твои акты списания, Иван. Им нужен канал. Канал, по которому уходит медь и запчасти. — Это угроза? — Это некролог, — Лешка наконец сел, тяжело, будто у него болела спина. — Я закрою тебя, брат. Не как мент. Как свидетель. Ванька смотрел на брата. Он видел каждую морщинку у его глаз. Он видел, как дрожат пальцы Лешки, сжимающие край стола. Брат был на грани. Десять лет охоты сожрали его изнутри. — Ты не сможешь, — тихо сказал Ванька. — Если ты меня заберешь, кто будет снабжать завод? Без моей «брони» и моих «левых» подшипников твои «семерки» встанут. Ты же знаешь, Леша. Система сгнила. Держится только на таких, как я. — Пусть встанут, — Лешка поднял на него больные глаза. — Пусть лучше ракеты упадут в тайгу, чем я буду знать, что мой брат — это гнойник на теле страны. Ванька почувствовал, как внутри что-то обрывается. Холодное, липкое чувство, знакомое с сорок восьмого года. Страх. Не перед тюрьмой. Перед тем, что Лешка прав. — Уходи, — сказал Ванька. — Пока я не позвал Кешу. — Кеша твой сдохнет, не успев достать пушку, — Лешка криво улыбнулся. — Я не один, Иван. Я никогда не был один. Он встал. Бросил на стол смятую купюру. — Через три дня, Иван. Когда приедет Никита Сергеевич, начнется большая чистка. Ищи щель. Если успеешь — беги. Если останешься — я приду за тобой сам. Лешка развернулся и пошел к выходу. Его чесучовый костюм казался в полумраке трюма саваном. Ванька остался стоять. Он смотрел на смятые деньги. На запах «Красной Москвы», который, казалось, въелся в дерево переборок. Три дня. Ванька достал из кармана тяжелый портсигар. Закурил. Дым показался ему горьким, как полынь. Хрущев. Ракеты. Комитет. Ванька Труба впервые за десять лет почувствовал себя не хищником в каменных джунглях, а крысой, запертой в трюме корабля, который вот-вот пойдет на дно. Он посмотрел на свои руки. Костюм, галстук, перстень — все это было прахом. Под дорогой тканью все еще жил тот самый Ванька, который в сорок восьмом смотрел на горящую нефтебазу и понимал: когда город горит, люди начинают бежать. Куйбышев снова зани-

мался заревом. Только на этот раз гореть предстояло не дровам и нефти. Гореть предстояло ракетному топливу и человеческим судьбам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.